

Обновленный комментарий к Женевской конвенции I — новый инструмент для обеспечения соблюдения международного гуманитарного права

**Брюно Демейер, Линдсей Камерон, Эва Ла-Э,
Хейке Нибергалл-Лакнер, Жан-Мари Хенкерц**

Брюно Демейер, Линдсей Камерон, Эва Ла-Э, Хейке Нибергалл-Лакнер и Жан-Мари Хенкерц — юридические советники, входящие в исполнительную группу МККК по обновлению Комментария при Правовом управлении МККК.

Краткое содержание

Комментарии к Женевским конвенциям 1949 г. и Дополнительным протоколам к ним 1977 г. со времени их публикации в 1950-х и 1980-х гг., соответственно, стали важным источником справочных сведений по применению и толкованию этих договоров. Международный Комитет Красного Креста (МККК) вместе с группой видных экспертов в настоящее время осуществляет обновление этих Комментариев, чтобы отразить в них изменения, происшедшие в мире, и изложить толкования, которые соответствовали бы требованиям современной эпохи. Работа над обновленной версией первого Комментария — Комментария к Женевской конвенции I об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях уже завершена. В настоящей статье содержится обзор методоло-

гии и процесса обновления и кратко излагаются основные этапы истолкования договорных норм, отраженные в обновленном Комментарий.

Ключевые слова: Международное гуманитарное право, Женевская конвенция I, обновленный Комментарий, Международный Комитет Красного Креста, практика государств, защита раненых и больных, немеждународный вооруженный конфликт, обязанность соблюдать и заставлять соблюдать, классификация вооруженных конфликтов, предложение услуг, гендер, распространение знаний и информации, уголовное пресечение.

: : : : : :

Современное истолкование гуманитарного права

В 2011 г. Международный Комитет Красного Креста (МККК) вместе с группой видных внешних экспертов приступил к осуществлению крупного проекта: обновлению Комментариев к Женевским конвенциям 1949 г. и Дополнительным протоколам к ним 1977 г.¹ После того как в 1950-х и 1980-х гг. были составлены первоначальные версии Комментариев, Женевские конвенции и Дополнительные протоколы к ним не раз проходили проверку реальностью, и в практике их применения и истолкования произошли значительные перемены. Обновление всех шести Комментариев, осуществляемое МККК, предназначено отразить эти перемены в Комментариях и предоставить соответствующие требованиям времени и всеобъемлющие интерпретации права. Этот проект выполняется в соответствии с ролью МККК «разъяснять положения международного гуманитарного права [МГП], применяемого в период вооруженных конфликтов, и распространять знания о нем, а также подготавливать его развитие» и содействовать его неукоснительному соблюдению².

С завершением обновленной версии Комментария к Женевской конвенции I об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (далее — ЖК I) был пройден первый важный рубеж. Комментарий доступен бесплатно на сайте МККК³.

В ЖК I подробно излагается лежащее в основе МГП обязательство, которое впервые начали активно претворять в жизнь основатели МККК, — обязательство уважать и защищать раненых и больных членов личного состава вооруженных сил при всех обстоятельствах, гуманно обращаться

1 См.: Jean-Marie Henckaerts, “Bringing the Commentaries on the Geneva Conventions and their Additional Protocols into the twenty-first century”, *International Review of the Red Cross*, Vol. 94, No. 888, Winter 2012, pp. 1551–1555.

2 См.: Устав Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца 1986 г., ст. 5(2)(g) и (4), доступен по адресу: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/statutes-movement-220506.htm>.

3 См.: <https://ihl-databases.icrc.org/ihl/full/GCI-commentary> (на английском языке). Существует также бумажная версия издания: ICRC, *Commentary on the First Geneva Convention*, 2nd ed., Cambridge University Press, 2016. В настоящее время готовится к печати перевод Комментария на арабский, испанский, китайский, русский и французский языки.

с ними и предоставлять им помощь и уход, вне зависимости от того, принадлежат ли они к вооруженным силам своей стороны или противника. Как таковая ЖК I больше, чем любой другой договор МГП, является воплощением идеи Анри Дюнана о том, что военнослужащий, если он ранен или болен и, соответственно, выбыл из строя, становится с этого момента неприкосновенным⁴. Абсолютно необходимым условием для того, чтобы можно было подбирать раненых и больных и оказывать им помощь, является предоставление защиты военному медицинскому персоналу, формированиям, материалам и транспорту. Кроме того, ЖК I содержит положения о защите эмблемы, которые подтверждают защитную функцию эмблемы и разъясняют ограничения на ее использование.

Однако это является знаковым событием еще и потому, что в последней версии Комментария к ЖК I обновлены и комментарии к статьям, общим для всех четырех Женевских конвенций. Среди них статьи, которые наиболее важны для применения четырех Конвенций и для предоставления защиты в соответствии с ними, такие как общая статья 1, предусматривающая обязательство соблюдать и заставлять соблюдать Конвенции при любых обстоятельствах, и общая статья 2, определяющая сферу их применения. В этой группе общих статей особо выделяется общая статья 3, поскольку это единственное положение Женевских конвенций 1949 г., ратифицированных всеми государствами мира, которое было специально разработано для регламентации немеждународных вооруженных конфликтов⁵. Ни составители Женевских конвенций 1949 г., ни составители первоначального Комментария 1952 г. не могли предвидеть, насколько многочисленными станут немеждународные вооруженные конфликты в течение десятилетий, последовавших за принятием Конвенции. Новый Комментарий принимает этот факт во внимание и подробно, как никогда ранее, анализирует правовой режим, содержащийся в общей статье 3.

В настоящей статье приводится краткий обзор процесса переработки Комментария к ЖК I и кратко описываются наиболее важные изменения в толковании договорных норм, происшедшие после 1949 г., которые были выявлены в практике государств, международной судебной практике и литературе. Примеры, приведенные в этом кратком обзоре, не исчерпывают тему полностью, однако они наглядно показывают, что международное гуманитарное право сохраняет свою актуальность в современных

4 Об обстоятельствах, которые привели к основанию МККК и Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца, начиная с битвы при Сольферино, и кульминацией которых стало принятие первой Женевской конвенции в 1864 г., см.: François Bugnion, "Birth of an idea: the founding of the International Committee of the Red Cross and of the International Red Cross and Red Crescent Movement", *International Review of the Red Cross*, Vol. 94, No. 888, 2012, pp. 1299–1338, доступно по адресу: <https://www.icrc.org/eng/resources/documents/article/review-2012/irrc-888-bugnion.htm>.

5 Для сравнения: Дополнительный протокол II ратифицирован не всеми государствами, и сфера его применения более ограничена, при этом он не изменяет существующих условий применимости ст. 3. Сведения о современном состоянии Конвенций и Протоколов см. по адресу: www.icrc.org/eng/resources/documents/misc/party_main_treaties.htm (на английском языке).

вооруженных конфликтах. Приведенные в статье ссылки на пересмотренный Комментарий направляют читателя к более подробному обсуждению перечисленных вопросов.

Коротко об обновлении Комментария

Комментарий 2016 г. ЖК I — так же, как пересмотренные комментарии к ЖК II, ЖК III и ЖК IV и к Дополнительным протоколам к ним, работа над которыми ведется в настоящее время, — призван способствовать разъяснению МГП, предоставив читателю современные и тщательно выверенные истолкования этой отрасли права.

В обновленном Комментарии сохранен формат Комментария 1952 г. (также известного как «Комментарий Пикте»), то есть постатейный комментарий к каждому положению Конвенции. Он основан на исследовании, включающем в себя анализ практики государств по применению и истолкованию договоров — это, например, военные уставы, внутригосударственное законодательство или официальные заявления, истолкования и разъяснения, встречающиеся в судебной практике и научных трудах. Кроме того, авторы Комментария имели возможность заниматься исследовательской работой в архиве МККК и отобразить применение и истолкование Конвенции со времени ее принятия в свете практики, свидетелем которой стал МККК в вооруженных конфликтах прошлого.

В пересмотренном Комментарии практики и ученые найдут подробные сведения, важные для всестороннего понимания каждого положения ЖК I. Пересмотренный Комментарий дает картину современных интерпретаций права. Он включает в себя не только истолкования, которые поддерживает МККК, но и указания на те случаи, когда имеются разногласия или когда есть вопросы, которые не урегулированы и требуют дальнейшего обсуждения. Как таковой он представляет собой не последнее слово, а прочное основание для дальнейшей дискуссии об имплементации, разъяснении и развитии МГП. Важно, что он служит новым инструментом, которым могут руководствоваться государства, международные организации, суды и гуманитарные акторы в своих усилиях, направленных на то, чтобы вновь подтвердить значение МГП и обеспечить его соблюдение.

В процессе составления обновленного Комментария активно участвовали эксперты, не принадлежащие к МККК, благодаря чему удалось продвинуться гораздо дальше, чем при работе над первоначальным Комментарием Пикте. Составители одного комментария к той или иной конкретной статье имели возможность прочитать и прокомментировать обновленные комментарии ко всем остальным статьям Конвенции. Это создавало возможность дополнительного критического рассмотрения и способствовало взаимной согласованности истолкований всего текста Комментария. Кроме того, Комментарий был целиком рассмотрен

Редакционным комитетом, в который входили юристы, как работающие в МККК, так и не принадлежащие к нему⁶.

Кроме того, к более чем 60 практикам и ученым со всего мира обратились с просьбой провести экспертную оценку проекта Комментария, и они сделали ценные замечания и внесли свой вклад в создание окончательного варианта этого документа. Такой тщательно продуманный процесс способствовал тому, что все основные мнения были приняты во внимание⁷. В результате пересмотренный Комментарий отражает правовые интерпретации МККК — в тех случаях, когда они существуют, и излагает основные точки зрения — в тех случаях, когда истолкование какого-либо конкретного положения вызывает разногласия. Учитывая, что по своему характеру Комментарий представляет собой руководство по интерпретации и практическому применению, следует, однако, заметить, что в рамках процесса его составления не проводились официальные консультации с государствами.

При подготовке пересмотренного Комментария авторы следовали нормам Венской конвенции о праве договоров, касающимся толкования договоров, в частности содержащимся в статьях 31–32 означенной Конвенции. Они принимали во внимание обычное значение терминов положений и контекст, а также подготовительную работу и последующую практику в форме практики государств (или иногда — ее отсутствие) и прецедентное право, равно как и другие важные нормы международного права⁸.

Другие важные нормы международного права включают в себя положения обычного гуманитарного права и трех Дополнительных протоколов, а также иных относящихся к делу договоров в области международного права, в том числе международного уголовного права и права прав человека⁹. Когда принимались Женевские конвенции, многие отрасли международного права, такие как право прав человека, международное уголовное право и право беженцев, находились еще в зачаточном состоянии, но с тех пор они получили большое развитие. Все эти отрасли права стремятся предоставить защиту тем, кто в ней нуждается. МГП не является замкнутой в себе отраслью права, оно взаимодействует с этими другими отрас-

6 В Редакционный комитет входят два члена, которые сотрудниками МККК не являются, — Лисбет Лейнзад и Марко Сассоли, и два сотрудника МККК — Филипп Шпёрри и Кнут Дёрман. Информацию об авторах/членах Подготовительного комитета, а также об участвовавших в работе экспертах можно найти в разделе Комментария, озаглавленном «Благодарности» (Acknowledgements) см.: <https://ihl-databases.icrc.org/ihl/full/GCI-commentaryAckAbb> (на английском языке).

7 См., например, комментарий к ст. 12, раздел E.1 (см. выше, прим. 3).

8 Более подробно о методологии см.: Комментарий, Вступительная статья (General Introduction of the Commentary) по адресу: <https://ihl-databases.icrc.org/ihl/full/GCI-commentaryIntroduction> (на английском языке).

9 Следует отметить, что при использовании для толкования иных упоминаемых в Комментариях договоров, помимо самих Конвенций, мы исходим из того, что они применимы лишь тогда, когда выполняются все условия, касающиеся географической, временной и личной сферы их применения. Кроме того, они применяются только к государствам, которые ратифицировали их или присоединились к ним, за исключением тех случаев, когда они отражают обычное международное право.

лями международного права таким образом, что они часто дополняют друг друга. Поэтому толкования, предлагаемые в новом Комментарий, принимают во внимание эволюцию указанных отраслей права всякий раз, когда это необходимо для всеобъемлющего истолкования какой-либо нормы Конвенции. Кроме того, развивались и другие отрасли права, такие как право ответственности государств или договорное право, что также отражено в новом Комментарий¹⁰.

В том, что касается международного права прав человека, новый Комментарий не преследует цели обсудить каждый аспект сложного соотношения между нормами Женевской конвенции и правом прав человека. Скорее, исходя из постулата о взаимодополняющем характере этих двух отраслей права, новый Комментарий ссылается на право прав человека всегда, когда это целесообразно, например, для толкования общих понятий (например, жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения)¹¹.

Ссылки на право прав человека могут также даваться в тех случаях, когда на применение Конвенций влияют международные обязательства в области прав человека. В качестве примера можно привести применение смертной казни. Хотя общая статья 3, равно как и статьи 100 и 101 ЖК III и статья 68 ЖК IV, предусматривают возможность применения смертной казни, обновленные комментарии к этим статьям были бы неполными без ссылок на международные договоры, направленные на отмену смертной казни¹². Эти ссылки не столько служат для толкования конвенционных обязательств посредством права прав человека, сколько указывают на параллельные обязательства, чтобы обеспечить полный обзор соответствующих международно-правовых норм.

В том, что касается международного уголовного права, постоянно расширяющаяся судебная практика различных международных уголовных судов и трибуналов, а также национальных судов дает материал, иллюстрирующий то, как применяются и толкуются идентичные или сходные понятия и обязательства по МГП в целях оценки индивидуальной уголовной ответственности. В той степени, в какой это важно для толкования Конвенций, этот вопрос был рассмотрен.

Еще один пример — Международная конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 г., которая стала отправной точкой для толкования понятия «взятие заложников». Оно также подкрепляется последующей практикой, например тем, что взятие заложников включено в перечень военных

10 См. выше, прим. 3: примеры, относящиеся к ответственности государств, см., в частности, в комментарии к общей ст. 1, пп. 144, 160 и 190, и к общей ст. 2, пп. 267–270; пример, относящийся к праву договоров и, в частности, к праву правопреемства в отношении договоров, см. в ст. 60, раздел С.4.

11 См. выше, прим. 3: комментарий к общей ст. 3, пп. 615–623.

12 Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (вступила в силу 3 сентября 1953 г.), Протокол 6; Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (вступил в силу 23 марта 1976 г.), Второй Факультативный протокол; Американская конвенция о правах человека от 22 ноября 1969 г. (вступила в силу 18 июля 1978 г.), Протокол об отмене смертной казни. См. комментарий к общей ст. 3, п. 677.

преступлений в Статуте МУС 1998 г., определением в Элементах преступлений МУС 2002 г. и судебными прецедентами¹³.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что обязательство по гуманитарному договору может быть шире, чем упомянутые в нем преступления в норме, содержащейся в договоре по международному уголовному праву. Обязательства по МГП существуют независимо от нормы международного уголовного права, на которой базируется судебная практика. Поэтому содержание такого обязательства может не быть идентичным в двух этих отраслях права. В случае существования различий они указаны в тексте. Так, например, МГП запрещает проведение биологических экспериментов, даже если они не влекут за собой смерть жертвы и не представляют собой серьезной угрозы для ее здоровья. Однако чтобы такой эксперимент мог быть признан серьезным нарушением согласно статье 50, он должен серьезно угрожать здоровью или физической неприкосновенности покровительствуемого лица. В целом сфера применения уголовной ответственности за проведение биологических экспериментов более ограничена, чем сфера применения запрета на проведение таких экспериментов, установленная МГП¹⁴.

Примеры изменений в толкованиях после 1949 г.

Комментарий Пикте основывался в первую очередь на истории разработки соответствующих договоров, которая разворачивалась непосредственно на глазах самих авторов, и на предшествовавшей практике, особенно практике Второй мировой войны. В нем можно почерпнуть важные сведения о МККК и историческую информацию, и в этом отношении он сохраняет свою ценность.

По прошествии более шести десятилетий обновленный Комментарий к ЖК I может предложить более подробный анализ, включающий в себя рассмотрение проблематики современных вооруженных конфликтов, достижений технического прогресса и развития международного и внутригосударственного права. Анализ, осуществленный в ходе подготовки обновленного Комментария, подтверждает многие толкования 1952 г., но отходит от них в некоторых случаях.

Этот анализ показал, что обстоятельства применения отдельных положений ЖК I, которым уделялось много внимания во время Дипломатической конференции, возникали редко. Соответственно, после Второй мировой войны эти положения не имели того значения, которое придавалось им в ходе Дипломатической конференции. В других случаях последующая практика и изменения в международном праве потребовали значительного расширения некоторых положений — и по содержанию, и по объему. Далее приводятся примеры таких выводов.

13 Подробнее см. комментарий к общей ст. 3, раздел G.3 (выше, прим. 3).

14 См. комментарий к ст. 50, п. 2994 (выше, прим. 3). Еще одним примером является запрет на посягательство на жизнь, см. там же, комментарий к общей ст. 3, п. 886.

Общие статьи

Обязательство соблюдать и заставлять соблюдать, содержащееся в общей статье 1

Одно из изменений в истолковании, содержащееся в новом Комментарий, относится к общей статье 1, которая требует от государств «соблюдать и заставлять соблюдать» Конвенции. Если Комментарий Пикте 1952 г. утверждал, что общая статья 1 не применима в немеждународных конфликтах, то в пересмотренном Комментарий, на основании изменений, происшедших за последние шесть десятилетий, делается вывод о ее применимости в указанных конфликтах¹⁵. Данное толкование соответствует сути статьи 3, которую Международный суд ООН охарактеризовал как содержащую «минимальные стандарты», применимые в случае вооруженного конфликта¹⁶.

На толкование общей статьи 1 сегодня влияет практика государств, международных организаций и судов, признавших обязанность соблюдать и обеспечивать соблюдение — как во внутреннем, так и во внешнем аспекте. Под внутренним аспектом понимается обязанность государств соблюдать и обеспечивать соблюдение Конвенций их собственными вооруженными силами и другими лицами или группами, поведение которых может быть приписано им, а также всем населением, над которым они осуществляют власть¹⁷. Внешний аспект относится к обеспечению соблюдения другими, в особенности другими сторонами в конфликте, независимо от того, является ли само государство стороной в этом конфликте. Этот внешний аспект в последнее время становится всё более важным¹⁸.

Основываясь на практике, новый Комментарий приводит дальнейшие подробности относительно негативных и позитивных обязательств, составляющих внешний аспект обязательства. В соответствии с негативными обязательствами государства должны воздерживаться от поощрения нарушений Конвенции, равно как и от оказания помощи или содействия в этом. Позитивные обязательства требуют от государств принимать активные меры к тому, чтобы прекратить нарушения Конвенций и вернуть допустившую нарушения сторону в конфликте на позицию соблюдения Конвенций, в частности используя свое влияние на эту сторону. Обязанность обеспечивать соблюдение необходимо исполнять с должным усердием. Это означает, что ее содержание зависит от конкретных обстоятельств, включая серьезность нарушения, разумно доступные для государства средства и степень его влияния на тех, кто несет ответственность

15 См.: комментарий к общей ст. 1, пп. 125–126 (выше, прим. 3), в сравнении с Jean Pictet (ed.), *Commentary on the Geneva Conventions of 12 August 1949, Vol 1: Geneva Convention for the Amelioration of the Condition of the Wounded and Sick in Armed Forces in the Field*, ICRC, Geneva, 1952, p. 26.

16 ICJ, *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua case*, Merits, Judgment, 1986, para. 218.

17 См. комментарий к общей ст. 1, разделы E.1 и E.2 (выше, прим. 3).

18 См. комментарий к общей ст. 1, раздел E.3 (выше, прим. 3).

за совершение нарушения. Новый Комментарий также содержит перечень примеров тех мер, которые могут принимать государства для обеспечения соблюдения МГП.

Классификация вооруженных конфликтов в общей статье 2

Обновленный Комментарий принимает во внимание различные виды вооруженных конфликтов, появившиеся с тех пор, как был издан Комментарий Пикте. Так, например, обновленный Комментарий утверждает, что вооруженный конфликт может возникнуть, когда одно государство в одностороннем порядке применяет силу против другого государства, даже если последнее не предпринимает или не может предпринять никаких ответных действий с применением военных средств. Само по себе применение каким-либо государством вооруженной силы против другого государства позволяет квалифицировать данную ситуацию как вооруженный конфликт по смыслу Женевских конвенций¹⁹.

Оценка военного участия иностранного государства в немеждународном вооруженном конфликте представляет собой пример того, как изменились толкования за прошедшие десятилетия, адаптируясь к сложности современных многосторонних конфликтов. Хотя МККК предложил Конференции правительственных экспертов 1971 г. считать, что военное участие иностранного государства в немеждународном вооруженном конфликте придает международный характер конфликту в целом, делая, таким образом, МГП, регулирующее международный вооруженный конфликт, применимым в отношении между противоборствующими сторонами²⁰, был широко принят дифференцированный подход, которого сегодня придерживается и МККК. При таком подходе проводится различие между двумя типами ситуаций: когда иностранное государство ведет военные действия в рамках конфликта в поддержку государства и когда оно это делает в поддержку негосударственной стороны в конфликте. В первом случае вооруженный конфликт остается немеждународным, поскольку в нем продолжается противостояние негосударственной вооруженной группы и вооруженных сил государства. Во втором случае, несмотря на то, что первоначальный вооруженный конфликт между негосударственной вооруженной группой и государственными вооруженными силами по-прежнему сохраняет свой немеждународный характер, также возникает параллель-

19 Комментарий к общей ст. 2, пп. 222–223 (выше, прим. 3).

20 В этом предложении говорилось: «Когда в случае немеждународного вооруженного конфликта одна или другая Сторона или обе Стороны пользуются помощью действующих вооруженных сил, предоставленных третьим государством, Стороны в конфликте применяют в полном объеме МГП, применимое в международных вооруженных конфликтах» (Конференция правительственных экспертов по вопросу о подтверждении и развитии международного гуманитарного права, применяемого в период вооруженных конфликтов, *Report on the work of the Conference*, ICRC, Geneva, 1971, p. 50). Среди причин, побудивших экспертов отвергнуть это предложение, отмечалось, что оно подталкивало бы немеждународные вооруженные группы к поиску поддержки иностранными государствами (см. *ibid.* pp. 51–52).

ный международный вооруженный конфликт между вмешивающимся иностранным государством и государством — участником первоначального конфликта, поскольку в этом случае друг другу противостоят два государства. Наконец, если несколько иностранных государств осуществляют вмешательство в поддержку каждой из сторон первоначального немеждународного вооруженного конфликта, международный или немеждународный характер каждого случая двусторонних конфликтных отношений зависит от того, состоят ли противоборствующие стороны только из государств или они включают в себя негосударственные вооруженные группы²¹.

В пересмотренном Комментарий также рассматриваются такие вопросы, как квалификация конфликта в том случае, если какое-либо государство контролирует организованную негосударственную вооруженную группу, воюющую против другого государства. Вопрос о степени контроля, который должно осуществлять государство над вооруженной группой, не раз возникал в международных судах и трибуналах²². Признавая существование разногласий относительно уровня контроля, необходимого для приписывания государству ответственности в соответствии с правом и для целей квалификации конфликта как международного или немеждународного, Комментарий излагает мнение МККК: «Критерий общего контроля является уместным, поскольку понятие “общий контроль” лучше отражает реальные отношения между вооруженной группой и третьим государством, в том числе и для целей приписывания ответственности»²³.

Регулирование немеждународных вооруженных конфликтов в общей статье 3

Стало почти банальностью утверждение о том, что огромное количество вооруженных конфликтов за последние 60 лет имело немеждународный характер. В связи с этим общая статья 3 сегодня рассматривается как одно из центральных положений МГП. То обстоятельство, что общая статья 3 представляет собой «мини-конвенцию» для немеждународных конфликтов, отмечалось уже на Дипломатической конференции 1949 г.²⁴ С тех пор

21 Подробнее см.: комментарий к общей ст. 3, пп. 402–405 (выше, прим. 3).

22 См., например: International Criminal Court for the Former Yugoslavia (ICTY), *The Prosecutor v. Dusko Tadic*, Case No. IT-94-1-A, Judgment (Appeals Chamber), 15 July 1999, paras 102–145; International Court of Justice (ICJ), *Case Concerning Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro)*, Judgment, *ICJ Reports 2007*, paras 404–405. Обсуждение этих дел и применявшихся в них критериев см. в комментарии к общей ст. 2, пп. 265–273 (выше, прим. 3).

23 Обсуждение критерия общего контроля см. в комментарии к общей ст. 2, пп. 265–273, особенно п. 271 (выше, прим. 3).

24 См.: Diplomatic Conference for the Establishment of International Conventions for the Protection of War Victims, *Final Record of the Diplomatic Conference of Geneva of 1949*, Vol. II-B, p. 326. Тогда это выражение было использовано, чтобы подчеркнуть лаконичность и самодостаточность того проекта, который был в конечном счете принят как общая ст. 3, — в отличие от других рассматривавшихся на Дипломатической конференции подходов, делавших некоторые положения Женевских конвенций как таковые применимыми к немеждународным вооруженным конфликтам.

фундаментальный характер положений этой статьи был признан в качестве «минимального критерия», соблюдение которого обязательно во всех вооруженных конфликтах и как отражение «минимальных соображений гуманности»²⁵.

В обновленном Комментарии рассматриваются различные правовые вопросы, относящиеся к обстоятельствам, в которых действует эта мини-конвенция. В число таких вопросов входят географическая и временная сферы применения общей статьи 3²⁶, ее обязательная сила для негосударственных вооруженных групп и многонациональных сил²⁷, покровительствуемые лица,²⁸ основополагающие обязательства сторон в немеждународном вооруженном конфликте²⁹, гуманитарная деятельность³⁰, специальные соглашения³¹ и правовой статус сторон в конфликте³².

Вот лишь один пример: в обновленном Комментарии подробно разбирается вопрос о том, что именно означает обязательство подбирать больных и раненых и оказывать им помощь, которое изложено в общей статье 3 очень лаконично. Это истолкование, основанное на содержащемся в статье 3 общем обязательстве обращаться с ранеными и больными гуманно, подчеркивает, что к раненым и больным следует проявлять уважение и защищать их. Оно также использует подробности, изложенные в Дополнительном протоколе II, и нормы обычного международного гуманитарного права, чтобы дополнить оценку средств защиты, которые рассматриваются как подразумеваемые в базовом обязательстве проявлять заботу о раненых и больных, включая защиту медицинского персонала, учреждений и санитарных транспортов, а также использование эмблемы (это лишь некоторые из них)³³.

Далее, сейчас признается, что серьезные нарушения общей статьи 3, такие как убийство, пытки и взятие заложников, также представляют собой военные преступления в немеждународных вооруженных конфликтах, как это признано в Статуте МУС и в обычном МГП³⁴. В комментарии к общей статье 3 приводится обсуждение этих запретов в свете судебной практики международных уголовных судов и трибуналов, равно как и внутригосударственных судов³⁵. Кроме того, в новый Комментарий добавлено рассмотрение других правовых вопросов, связанных с предоставляемой в немеждународных вооруженных конфликтах защитой, таких как запрещение

25 См.: ICJ, *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua*, Judgment, *ICJ Reports* 1986, paras 218–219.

26 Комментарий к общей ст. 3, пп. 452–502 (выше, прим. 3).

27 Там же, пп. 503–517.

28 Там же, пп. 518–549.

29 Там же, пп. 550–580.

30 Там же, пп. 779–840.

31 Там же, пп. 841–860.

32 Там же, пп. 861–869.

33 Там же, пп. 768–778.

34 Там же, пп. 581–695.

35 Там же, пп. 870–903.

сексуального насилия³⁶, применимость принципа запрета на высылку во время немеждународного вооруженного конфликта³⁷ и административное задержание³⁸.

Еще один пример относится к запрещению сексуального насилия. Этот запрет упоминается в Женевских конвенциях в прямой форме только в отношении международного вооруженного конфликта (см. статью 27 ЖК IV). Однако он также подразумевается в Женевских конвенциях и для немеждународных вооруженных конфликтов — в обязательстве обеспечивать гуманное обращение. В Комментариях содержатся ссылки на судебную практику и уставы международных уголовных трибуналов и делается вывод о том, что сексуальное насилие запрещается во всех вооруженных конфликтах, поскольку оно может представлять собой посягательство на жизнь и физическую неприкосновенность, пытки, причинение увечий или жестокое обращение, а всё это безусловно запрещается³⁹.

Предложение услуг в общих статьях 3 и 9/9/9/10

Еще одно изменение можно найти в истолковании общих статей 9/9/9/10 и общей статьи 3(2) в отношении предложения услуг МККК или другими беспристрастными гуманитарными организациями в международных и немеждународных вооруженных конфликтах. Если в Комментариях 1952 г. утверждалось, что решение о согласии на гуманитарную деятельность оставляется полностью на усмотрение воюющей державы и в случае отказа от предложения услуг нет необходимости указывать причину такого отказа⁴⁰, то в новом Комментариях содержится вывод о том, что в настоящее время не допускается произвольный отказ от такого предложения услуг. После 1949 г. развивалось и международное право в целом, и МГП в частности, и сейчас стало общепринятым мнение о том, что сторона в конфликте, согласие которой запрашивается, должна оценить предложение услуг добросовестно и в соответствии со своими правовыми обязательствами, касающимися гуманитарных потребностей⁴¹. Таким образом, если сторона в вооруженном конфликте не желает или не в состоянии удовлетворить эти гуманитарные потребности, она должна принять предложение услуг от беспристрастной гуманитарной организации. Если гуманитарные потребности не могут быть удовлетворены иным образом, отказ принять предложение услуг будет произвольным и поэтому явится нарушением международного права⁴².

36 Комментарий к общей ст. 3, пп. 696–707.

37 Там же, пп. 708–716.

38 Там же, пп. 717–728.

39 Там же, пп. 696–707.

40 J. Pictet (ed.), см. прим. 15 выше, p. 110.

41 ICRC, *International Humanitarian Law and the challenges of contemporary armed conflicts*, report to the 31st International Conference of the Red Cross and Red Crescent, ICRC, Geneva, 2011, p. 25.

42 Комментарий к общей ст. 3, пп. 833–834, и ст. 9, пп. 1173–1174 (выше, прим. 3).

Развитие в других областях

Защита раненых и больных

Основная задача Женевской конвенции I состоит в том, чтобы обеспечить уважение и защиту раненым и больным из числа личного состава вооруженных сил во время вооруженного конфликта. С 1864 г., когда эта идея была впервые отражена в международном договорном праве, ведение войны очень сильно изменилось и продолжало изменяться и после принятия Женевских конвенций 1949 г. В обновленном комментарии к статье 12 приняты во внимание современные условия, в которых должна предоставляться защита раненым и больным, в то же время он утверждает, что данное обязательство, как и прежде, остается краеугольным камнем МГП. Благодаря точным определениям, содержащимся в Дополнительном протоколе I, обновленный комментарий к статье 12 подтверждает, что решающий критерий для установления того, является ли член личного состава вооруженных сил раненым или больным, таков: нуждается ли это лицо в медицинской помощи, независимо от того, насколько серьезно его состояние, и воздерживается ли оно от любых враждебных действий⁴³.

Далее пересмотренный Комментарий отражает наиболее важные аспекты обязательства уважать и защищать раненых и больных — от принятия во внимание их присутствия при планировании и осуществлении нападений⁴⁴ и подтверждения запрета на так называемые «контрольные выстрелы»⁴⁵ до общего обязательства вообще иметь медицинские службы⁴⁶. Кроме того, пересмотренный Комментарий указывает на необходимость учитывать вероятное присутствие гражданских лиц, а также — при рассмотрении возможности (и до нанесения) второго удара по военному объекту — то, что медицинский персонал может броситься к месту нападения, чтобы оказать помощь⁴⁷.

Наконец, на протяжении тех десятилетий, что прошли с 1949 г., велась дискуссия по вопросу, имеющему огромное оперативное значение для военных властей: может ли медицинский персонал быть вооруженным и если да, то какие ограничения применяются в этом случае. Сама ЖК I рассматривает его только в одном месте: в статье 22(1), согласно которой тот факт, что «личный состав [военного] санитарного формирования или учреждения вооружен и пользуется своим оружием для самообороны или защиты своих раненых и больных», не может рассматриваться как обстоятельство, лишающее указанное формирование или учреждение защиты. Таким образом, Конвенция совершенно умалчивает о том, может ли оружие

43 Комментарий к ст. 12, пп. 1341–1351 (выше, прим. 3).

44 Там же, пп. 1355–1357.

45 Там же, п. 1404. Этот термин относится к практике преднамеренных выстрелов в раненых, чтобы наверняка их убить.

46 Комментарий к ст. 18, п. 1750 (выше, прим. 3).

47 Там же, пп. 1749–1750.

быть размещено в этих формированиях. Такая же ситуация возникает при рассмотрении положений, относящихся к санитарно-транспортным средствам, включая санитарную авиацию. Хотя в принципе то, что военно-медицинский персонал может быть вооружен, признается в вышеуказанном положении, его текст ничего не говорит о применимых ограничениях, если они вообще существуют, в отношении вида оружия, которое может быть им предоставлено, или в отношении обстоятельств, в которых оно может быть применено. В обновленном Комментарий рассматривается развитие права по этому вопросу, который не был освещен в ЖК I, а также анализируются возможные последствия вооружения военно-медицинского персонала, формирований и санитарно-транспортных средств в связи с правом использовать отличительную эмблему Женевских конвенций⁴⁸.

Обязательство распространять знания и информацию

Комментарий Пикте отражал в первую очередь убежденность составителей, которые в то время считали, что распространение знаний само по себе обеспечит соблюдение, однако новый Комментарий принимает в расчет эмпирические исследования, указывающие на то, что одного лишь знания недостаточно для создания положительного отношения к норме и что ключевыми факторами, определяющими поведение вооруженных людей во время военных действий, являются военная доктрина, обучение, подготовка и оборудование и, разумеется, наказание нарушителей.

В обновленном Комментарий утверждается: чтобы МГП было эффективным, оно не должно преподноситься как некий абстрактный свод правовых норм — оно должно быть интегрировано во все виды деятельности военного характера, подготовки и обучения. Цель такой интеграции должна заключаться в оказании влияния на военную культуру и ценности, лежащие в ее основе таким образом, чтобы обеспечить максимальное включение правовых соображений и принципов МГП в военную доктрину и принятие решений⁴⁹.

Уголовное пресечение нарушений

В статье 49 ЖК I рассматривается пресечение нарушений и уголовные санкции. Аналогичное положение включено во все четыре Женевские конвенции. Новый комментарий к статье 49 был значительно расширен, чтобы

48 Комментарий к ст. 22, пп. 1862–1869; ст. 24, 2005–2006; ст. 35, 2393–2402; ст. 36, п. 2449 (выше, прим. 3).

49 Комментарий к ст. 47, пп. 2773–2776 (выше, прим. 3). Дополнительно по этой теме см.: Andrew J. Carswell, "Converting treaties into tactics on military operations", *International Review of the Red Cross*, Vol. 96, Nos 895/896, 2014, pp. 919–942, доступно по адресу: <https://www.icrc.org/en/international-review/article/converting-treaties-tactics-military-operations>; Elizabeth Stubbins Bates, "Toward effective military training in international humanitarian law", *International Review of the Red Cross*, Vol. 96, Nos 895/896, 2014, pp. 795–816, доступно по адресу: <https://www.icrc.org/en/international-review/article/towards-effective-military-training-international-humanitarian-law>.

отразить важные изменения, происшедшие в этой области за последние десятилетия. Хотя раздел «История создания» в комментарии к статье 49 короче, чем в предыдущей версии 1952 г., обновленный Комментарий рассматривает совершенно новые вопросы, обзор того, как государства имплементировали режим пресечения серьезных нарушений МГП в свое внутреннее законодательство, а также анализ универсальной юрисдикции и ее истолкования государствами⁵⁰. В нем также дается критическая оценка эффективности режима серьезных нарушений, содержащегося в статье 49, и исследуется вопрос о том, преследовали (экстрадировали) ли государства лиц, подозреваемых в совершении военных преступлений, на основании Женевских конвенций⁵¹, обсуждаются проблемы концепции иммунитета глав государств⁵² и возможности распространения режима серьезных нарушений на немеждународные вооруженные конфликты⁵³.

Развитие международного гуманитарного права и особенно практика Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ), Международного уголовного трибунала по Руанде (МУТР), Специального суда по Сьерра-Леоне (СССЛ) и, в сравнительно недавнее время, — МУС позволили выработать более качественные определения ряда запретов, устанавливаемых МГП, как в международных, так и в немеждународных вооруженных конфликтах, таких как запрещение убийства, пыток, причинения увечий или, как упоминалось выше, биологических экспериментов в общей статье 3 и статье 12 ЖК I.

Некоторые сквозные вопросы

Гендерный аспект истолкования ЖК I

Обновленный Комментарий описывает там, где это уместно, как практическое применение того или иного положения может по-разному сказаться на женщинах, мужчинах, девочках и мальчиках. Упоминание в первоначальном Комментарии о женщинах, как о «тех, кто слабее тебя, и чья честь и стыдливость требуют уважения», больше не может считаться допустимым⁵⁴. Конечно, первоначальные Комментарии были продуктом социальных и исторических условий своего времени. Однако сегодня существует более глубокое понимание того обстоятельства, что и женщины, и мужчины, и девочки, и мальчики имеют свои особые потребности и свой особый потенциал — вооруженный конфликт может затрагивать их по-разному. Новый Комментарий отражает это понимание в соответствующих статьях и принимает во внимание международно-правовые изменения в том, что касается равенства полов.

50 Комментарий к ст. 49, пп. 2863–2867 (выше, прим. 3).

51 Там же, пп. 2857–2858.

52 Там же, пп. 2872–2877.

53 Там же, пп. 2903–2905.

54 См.: J. Pictet (ed.), прим. 15 выше, р. 140.

Помимо обновленного комментария к статье 12(4) ЖК I, который регулирует конкретно обращение с женщинами⁵⁵, примеры включения гендерного аспекта в пересмотренный Комментарий к ЖК I можно найти в обсуждении таких концепций, как гуманное обращение, недопущение неблагоприятного различия и обязательство заботиться о раненых и больных в общей статье 3 и статье 12⁵⁶, а также в комментариях к статьям 6, 11, 23 и 31 ЖК I⁵⁷.

Новые технологии

Современное истолкование МПП требует при обсуждении конкретных договорных норм принимать во внимание новые технологии и их влияние на ведение войны.

Так, например, сегодня признается, что обозначение медицинских объектов может также включать в себя сообщение другим сторонам координат GPS вместе с обозначением их отличительной эмблемой или вместо него⁵⁸. Координаты GPS могут также помочь в опознании лиц и установлении точного местонахождения захоронений⁵⁹.

Еще один пример — использование для передачи информации электронной почты, поскольку она является самым быстрым средством связи⁶⁰. Электронная почта может также использоваться в тех случаях, когда МПП требует делать предупреждение⁶¹. Хотя использование координат GPS и электронной почты для усиления защиты, предусматриваемой Женевской конвенцией, не является спорным, применение МПП в отношении других технологий сопряжено с гораздо более серьезными проблемами и до сих пор часто вызывает дискуссии. Обновленный Комментарий содержит обсуждение этих проблем и отражает дискуссии, ведущиеся в настоящее время, например по вопросу приравнивания киберопераций к применению вооруженной силы, представляющей собой вооруженный конфликт⁶², или вопросу о нанесении ударов беспилотными летательными аппаратами в свете обязательства подбирать раненых и больных и заботиться о них, как того требует статья 15 ЖК I⁶³.

Последний пример такого рода — возможность брать образцы ДНК, что открывает новые перспективы опознания и сбора информации о больных, раненых и умерших. В обновленном Комментарий рассматриваются

55 Комментарий к ст. 12, пп. 1427–1429, 1435 (выше, прим. 3).

56 Комментарий к общей ст. 3, пп. 553, 578, 766; ст. 12, пп. 1362, 1373, 1395 (выше, прим. 3).

57 Комментарий к ст. 6, п. 966; ст. 11, п. 1293; ст. 23, п. 1931; ст. 31, п. 2273 (выше, прим. 3).

58 Комментарий к общей ст. 3, п. 775; ст. 42, п. 2649 (выше, прим. 3).

59 Комментарий к ст. 16, п. 1577; ст. 17, пп. 1667, 1713 (выше, прим. 3).

60 О передаче информации, о которой говорится в ст. 16, по электронной почте см. комментарий к ст. 16, пп. 1593, 1598 (выше, прим. 3); о передаче сообщений о ратификации или присоединении к Конвенции по электронной почте см. комментарий к ст. 62, п. 3259 (выше, прим. 3).

61 См. комментарий к ст. 21, п. 1850 (выше, прим. 3).

62 Комментарий к общей ст. 2, пп. 253–256 (выше, прим. 3).

63 Комментарий к ст. 15, п. 1491 (выше, прим. 3).

эти новые возможности и меры безопасности, необходимые для взятия и анализа образцов ДНК⁶⁴.

Конкретные вопросы, относящиеся к практике государств

Положения, которые оказались мало востребованы после 1949 г.

Обзор практики государств и судебных прецедентов показал, что некоторые положения играли небольшую роль или вообще не имели никакого значения в вооруженных конфликтах, происходивших после 1949 г. Новый Комментарий указывает на это и рассматривает в таких случаях вопрос о том, не устарела ли та или иная норма. Примерами таких положений являются статьи 28, 30 и 31 ЖК I, регулирующие условия, при которых может быть задержан медицинский и духовный персонал, а также личный состав добровольных обществ помощи, попавший во власть противной стороны. Во время Второй мировой войны воюющие стороны задерживали большое число медицинского персонала противника в течение длительного времени⁶⁵, однако в международных конфликтах после 1949 г. такая практика оказалась редкой. Хотя в Комментарий делается вывод о том, что положения, регулирующие задержание, остаются применимыми и актуальными, как показывают исследования, количество международных конфликтов, в которых они применялись на практике, с течением времени уменьшалось⁶⁶. Еще один пример — предоставление персонала национальных обществ помощи, таких как общества Красного Креста или Красного Полумесяца, в распоряжение санитарных служб армии. Хотя это остается возможным вариантом, к нему никто не прибегал за последние десятилетия, и, таким образом, статьи, относящиеся к этому персоналу, их имуществу и их идентификации, не играли очень значительной роли после 1949 г.⁶⁷

Назначение держав-покровительниц, регулируемое статьей 8 ЖК I, представляет собой еще один пример. В то время как Дипломатическая конференция 1949 г. сделала державы-покровительницы центральным элементом системы мониторинга соблюдения Женевских конвенций в международном вооруженном конфликте, практика после 1949 г. в этом направлении не развивалась, и назначение держав-покровительниц в случае международного вооруженного конфликта было скорее исключением, чем правилом. После того как были приняты Конвенции 1949 г., о назначении держав-покровительниц известно лишь в пяти конфликтах⁶⁸. По-видимому,

64 Комментарий к ст. 16, п. 1584; ст. 17, пп. 1661, 1673 (выше, прим. 3).

65 См.: J. Pictet (ed.), прим. 15 выше, р. 237.

66 Недавний пример возвращения медицинского персонала см. в комментарии к ст. 40, п. 2610 (выше, прим. 3).

67 См. комментарии к ст. 26, 27, 32, 34 и 43 (выше, прим. 3).

68 Известно, что державы-покровительницы назначались во время Суэцкого конфликта (1956 г.) между Египтом, с одной стороны, и Францией и Соединенным Королевством — с другой, конфликта между Францией и Тунисом из-за Бизерты (1961 г.), конфликта из-за Гоа между Индией и Португалией (1961 г.), индо-пакистанского конфликта (1971 г.) и конфликта из-за

после 1949 г. развитие практики привело к тому, что назначение держав-покровительниц стало постепенно рассматриваться как мера, имеющая необязательный характер. Однако это не исключает возможности назначения держав-покровительниц в международных вооруженных конфликтах будущего на основании статьи 8⁶⁹.

Отсутствие практики применения какого-либо положения само по себе не ведет к устарелости такого положения. Устарелость означает, что договорная норма более не применима или была изменена, а такой вывод не следует делать слишком поспешно. Для этого необходимо соблюдение жестких условий, и это требует согласия, по меньшей мере молчаливого, сторон или появления внутренне противоречивой нормы обычного международного права⁷⁰. Хотя некоторые положения, по всей видимости, не применялись широко в течение последних шести десятилетий, не было обнаружено никаких свидетельств того, что они более не применимы.

Процедуры, предусмотренные Конвенцией, которые не применялись как таковые

В том, что касается некоторых процедур, предусмотренных Женевской конвенцией, исследования показали, что практика государств отклонялась от точных формул, изложенных в Женевской конвенции, однако соответствовала принципам и смыслу существования этих механизмов, предусмотренных составителями.

Практика государств указывает на то, что добрые услуги как часть согласительных процедур, о которых идет речь в статье 11 ЖК I, в действительности применялись гибко и не ограничивались деятельностью, сводившейся исключительно к содействию контактам между противостоящими сторонами. Учитывая это изменение, а также гуманитарную цель статьи 11, обновленный Комментарий поясняет, что упоминание «добрых услуг» в части 1 не следует понимать ограничительно, но предусматривать возможность использования любых дипломатических инициатив, отвечающих интересам покровительствуемых лиц⁷¹.

Подобным же образом никогда не использовалась и процедура расследования, о которой говорится в статье 52 ЖК I. Это не означает, что общая идея, лежащая в основе положения о расследовании заявлений о нарушениях МГП, была отвергнута. Напротив, такие расследования проводятся регулярно в форме официальных расследований по инициативе и под эгидой международного сообщества с использованием процедур рас-

Фолклендских/Мальвинских островов между Аргентиной и Соединенным Королевством (1982 г.), см.: комментарий к ст. 8, п. 1115 (выше, прим. 3).

69 См. комментарий к ст. 8, раздел Н (выше, прим. 3).

70 См.: Вступительная статья к Комментарию (выше, прим. 8), пп. 51–52, с дальнейшими примечаниями.

71 Определение термина «добрые услуги» в международном праве и сведения об эволюции его понимания см. в комментарии к ст. 11, пп. 1282–1286 (выше, прим. 3).

следования в рамках системы ООН или установления фактов в ходе работы международных уголовных трибуналов. Несмотря на то, что процедура расследования, предусмотренная Женевскими конвенциями 1949 г., пока не использовалась, обновленный Комментарий не делает вывод о том, что это положение устарело, а некоторые эксперты до сих пор утверждают, что она является потенциально привлекательным вариантом для целей достижения более строгого соблюдения МГП⁷².

Практика государств, отличающаяся от буквального значения текста

В том, что касается отдельных положений, исследование показало, что практика государств не следовала буквальному значению текста, но тем не менее соответствовала общим идеям и принципам, лежащим в основе положений. Например, статья 38 ЖК I предусматривает использование красного полумесяца (или красных льва и солнца) только «в отношении стран, употребляющих уже вместо красного креста красный полумесяц или красные лев и солнце на белом поле в качестве отличительного знака». Формально это означает, что ни одно из десятков новых государств, созданных или учрежденных после 1949 г., став участником Женевских конвенций, не могло бы принять решение использовать не красный крест, а иную эмблему. Однако тщательное исследование практики государств показало, что ни одно государство никогда не настаивало на соблюдении этого правила, демонстрируя, по сути, убежденность в том, что среди отличительных эмблем иерархии быть не должно⁷³. Обновленный Комментарий отражает, таким образом, равенство отличительных эмблем, включая красный кристалл, — эта эмблема была утверждена в Дополнительном протоколе III 2005 г.⁷⁴

Эволюция истолкования статьи 8 о державах-покровительницах также может рассматриваться как отступление от строгого прочтения текста. Обязательство, согласно которому Конвенция «будет применяться при содействии и под контролем держав-покровительниц» сейчас рассматривается не как обязательство, а скорее, как один из возможных вариантов⁷⁵.

Заключение

Работа, потребовавшаяся для обновления Комментария к ЖК I, показала, что Конвенция сегодня так же актуальна, как и в то время, когда она была принята. Хотя ведение войны меняется и разрабатываются новые системы

72 Комментарий к ст. 52, пп. 3059–3064 (выше, прим. 3).

73 Комментарий к ст. 38, пп. 2547–2551 (выше, прим. 3).

74 См. ст. 2 ДП III от 8 декабря 2005 г., касающегося принятия дополнительной отличительной эмблемы.

75 Подробнее см. комментарий к ст. 8, раздел H (выше, прим. 3).

вооружений, характерным признаком вооруженных конфликтов остается наличие множества людей, остро нуждающихся в защите. Женевские конвенции предоставляют такую защиту, и сегодня их значение исключительно велико.

Женевская конвенция I оказалась критически важной для обеспечения заботы о раненых и больных из числа личного состава вооруженных сил и их защиты, а также защиты военного медицинского персонала, формирований и санитарно-транспортных средств. Она оказала глубокое влияние на развитие национальных военных стратегий и процедур, на предоставление ресурсов, подготовку и имплементацию. Основываясь на нормах Конвенции, МККК призывает государства соблюдать определенные стандарты обращения с ранеными и больными во время вооруженного конфликта, и эти нормы, в числе прочих, позволяют МККК осуществлять свою гуманитарную миссию на местах и выступать с предложениями об оказании гуманитарной помощи.

Тем не менее вооруженные конфликты продолжают порождать страдания, которые государства надеялись искоренить, когда они согласились принять четыре пересмотренные и частично новые Конвенции в 1949 г. Несоблюдение права — по-прежнему самый большой вызов для всех тех, кто полон решимости облегчать страдания людей во время войны. Комментарии к Женевским конвенциям и Дополнительным протоколам к ним представляют собой важный руководящий инструмент в усилиях МККК, государств, международных организаций, судов и гуманитарных акторов — усилиях, направленных на обеспечение соблюдения права.

Обновленный Комментарий к ЖК I является первым из серии обновленных Комментариев, которые будут изданы МККК в ближайшие несколько лет. В настоящее время ведутся исследования в области защиты раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море (ЖК II), защиты военнопленных (ЖК III) и защиты гражданского населения во время войны (ЖК IV). Обновленные Комментарии к этим Конвенциям и к Дополнительным протоколам I и II к ним будут изданы один за другим в предстоящие несколько лет. Следующим станет обновленный Комментарий к Женевской конвенции II, он будет опубликован в 2017 г.